

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России, главный редактор журнала
«История и обществоведение» (Минск), Санкт-Петербург, Россия,
Минск, Республика Беларусь, Pr_martis@yahoo.com

***Аннотация.** Статья посвящена феномену судьбы, его генезису и становлению в культурной традиции. Тема судьбы изначально зародилась в античности, что неизбежно вводит её в систему мифологических воззрений и ранних религиозных верований. Будучи порождением мифологического сознания, судьба занимает определённое место как в низшем (демоническом), так и высшем (космогоническом) слое мифологической картины мира. Парадокс идентификации судьбы заключается в том, что, будучи одновременно носителем мифологических черт, она демонстрирует чуждость и инородность мифу. Являясь важнейшим элементом архаической картины мира, судьба демонстрирует как свою мифологичность, так и неоднозначность, многосмысленность и неопределённость философского типа. Образ судьбы не исчерпывается мифологическим прошлым. По мере эволюции сознания от мифа к логосу судьба наделяется абстрактными характери-*

стиками, представленными в таких категориях, как необходимость, закономерность и случайность. В современной европейской культуре феномен судьбы претерпевает десакрализацию, хотя при этом и сохраняет мифо-семантическую направленность. По мере выхода за рамки традиционного мифа судьба непосредственно связывается с нравственной и эстетической природой человека.

Культурологический анализ феномена судьбы позволяет раскрыть его мифосемантическую природу, исследовать эволюцию представлений о судьбе от архаических мифов к героическому эпосу, выявить отдельные черты судьбы, способные выступить в качестве источника нелинейной динамики европейской культуры.

Ключевые слова: герой, культура, космос, миф, мифологема судьбы, закономерность, необходимость, природа, случайность, хаос

Для цитирования: Мартысюк П. Г. Мифологема судьбы и проблема генезиса категорий необходимости, закономерности и случайности // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 10–23. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

The Mythologem of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness

Pavel G. Martysiuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Editor of the “History and Society”, St. Petersburg, Russia, Minsk,
the Republic of Belarus, Pr_martis@yahoo.com

Abstract. *The article is devoted to the phenomenon of fate, its genesis and formation in the cultural tradition. The theme of fate originally appeared in antiquity, which inevitably introduces it into the system of mythological beliefs and early religious beliefs. Being a product of mythological consciousness, fate occupies a certain place both in the lower (demonic) and higher (cosmogonic) layers of the mythological picture of the world. The paradox of the identification of fate lies in the fact that, being at the same time the bearer of mythological features, it simultaneously demonstrates alienation and foreignness to the myth. Being the most important element of the archaic picture of the world, it demonstrates both its mythological nature and the ambiguity, ambiguity and uncertainty of the philosophical type. The image of fate is not exhausted by the mythological past. As consciousness evolves from myth to logos, fate is endowed with abstract characteristics presented in such categories as necessity, regularity, and chance. In modern European culture, the phenomenon of fate is undergoing desacralization, although at the same time it retains a mythosemantic orientation. As we go beyond*

the traditional myth, fate is directly related to the moral and aesthetic nature of man.

The culturological analysis of the phenomenon of fate makes it possible to reveal its mythosemantic nature, to explore the evolution of ideas about fate from archaic myths to the heroic epic, to identify individual features of fate that can act as a source of non-linear dynamics of European culture.

Keywords: *hero, culture, space, myth, mythology of fate, pattern, necessity, nature, accident, chaos*

For citation: Martysiuk P. G. The Mythologem of Fate and the Problem of the Genesis of the Categories of Necessity, Regularity and Randomness. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 4:10–23 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-10>

Введение. Целью представленной статьи является выявление истоков феномена судьбы в древнегреческих космогонических мифах и героическом эпосе, а также трансформация представлений о судьбе в контексте зарождающегося философского знания.

В процессе реализации цели исследования автор обращается к рассмотрению категорий необходимости, закономерности и случайности, способствующих раскрытию природы судьбы не только в собственно мифологическом срезе, но и в контексте философско-культурологического анализа. Выявление основополагающих концептуальных представлений о судьбе, содержащих многосложный и противоречивый характер, способствует более глубокому осмыслению судьбы как феномена культуры.

Значительное внимание феномену судьбы в мифе и славянском фольклоре уделяется в работах С. Аверинцева (Судьба // Философская энциклопедия), А. Афанасьева (Древо жизни), А. Веселовского (Разыскания в области духовного стиха. XIII. Судьба-доля в народных представлениях славян). В их исследованиях неоднозначный образ судьбы представлен в системе дуальных представлений. Как пример, Доля — Недоля, рациональное — иррациональное и др.

Тема судьбы нашла отражение и в коллективной монографии «Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев», подготовленной такими авторами, как А. Гуревич, Т. Михайлова, Н. Ганина и др. В указанной монографии авторы обращаются к исследованию архаического образа женщины-судьбы в мифологической традиции древних кельтов и германцев.

К фундаментальным исследованиям по проблеме судьбы следует также отнести монографии В. Горана «Древнегреческая мифология судьбы» и П. Сапронова «Феномен героизма». В них феномен судьбы рассматривается в контексте древнегреческой космогонической мифологии, а также героического эпоса.

В рамках проведённого исследования автор пришёл к выводу, что судьба благодаря присущей ей категории необходимости является отражением процесса возникновения и функционирования разнообразных форм сущего, включая природный универсум в его античном понимании. Наряду с категорией необходимости феномену судьбы присуща категория случайности, придающая судьбе стихийность, иррациональность и непредсказуемость. Категория случайности, реализующаяся в судьбе, в последующем способна выступить одним из источников нелинейной динамики культуры.

Методы исследования. С целью исследования мифологемы судьбы автором был использован ряд теоретических методов: компаративного анализа при сравнении различных взглядов на мифологическую природу судьбы и её трансформацию в условиях перехода от мифа к логосу; структурно-функциональный метод, позволивший исследовать феномен инверсии путем обращения к бинару «космос — хаос» и его функционированию в мифологическом пространстве и времени; герменевтический метод, использование которого предоставляет возможность раскрыть мифологическую природу феномена судьбы в качестве источника нелинейной динамики европейской культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проблемы судьбы не может быть полноценным без должного анализа определяющих её природу категорий: необходимости, закономерности и случайности. Изначально они заявляют о себе в контексте мифологического сознания, доминирующую роль в котором играют вещественно-телесные интуиции. В мифологеме «судьба» представленные категории пребывают в единстве и взаимодействии. В последующем они раскрываются в ситуации нейтрализации судьбы как обезличенной силы и её рационализации в процессе перехода от мифа к логосу.

В феномене судьбы сокрыт многовековой опыт осмысления необходимости, управляющей мировым порядком и жизнью отдельно взятого человека. Судьба является внешней силой, неподвластной человеческому хотению. В ней присутствуют независимость и непознаваемость, хаотичность и непредсказуемая стихийность. При

всём этом судьба, отождествляясь с провидением, способна продемонстрировать необходимую зависимость всего происходящего от универсального разума, являющегося частью мирового целого. Человеческая жизнь уподобляется частице в море пыли, гонимой ветром в неизвестном направлении. По сути, человек, несмотря на сопротивление обстоятельствам, оказывается во власти внешних сил. Отсюда проистекает фаталистическая направленность стоической философии, выраженная в знаменитом высказывании: «Желającego судьба ведёт, нежелающего — тащит».

Категория необходимости содержит идею возникновения, сохранения и поддержания миропорядка, присущего мифологической картине мира. Судьба отождествляется с необходимостью благодаря её связи с космосом, представленном античной традицией в качестве природного универсума. Будучи связанной с античным космосом, судьба демонстрирует по сравнению с другими мифологическими феноменами новый, более высокий уровень объективной необходимости, отчасти обусловленный идеей неизменно повторяющегося природного цикла.

Космос, заполняющий жизненное пространство античной картины мира, пребывает в непрестанном движении. Вне его нет ничего, посему он обречён совершать вечное круговращение, исчерпывая себя в своих же собственных пределах. Бытие космоса перманентно, а последовательность его возвращений бесконечна. Космос, лишь часть которого — человек, задуман как постоянный циклический процесс, заключённый в бесконечный ряд самовоспроизводящихся отрезков, замкнутых на себя оборотов.

Космос взаимодействует с Хаосом. Хаос — это первоначальное состояние всего существующего, над которым не властвует время. Он лишён пространственного измерения и пребывает вне власти жизни и смерти. Состояние хаоса обладает относительным постоянством и допускает лишь неупорядоченное движение и переход одного в другое в пределах своей же субстанции. Из хаоса впервые возникает сформированное становление, начинающее и структурирующее само себя. Хаос, являясь первообразом материи, не исчезает бесследно, а сохраняет за собой право быть принципом становления после того, как из него выделяется видимый, измеримый мир. Видимый мир находится во власти хаоса и по мере редукции вновь и вновь возвращается к нему. В этой ситуации мифическая реальность способна переживать два противоположных друг другу состояния: космическое и хаотиче-

ское. Они попеременно чередуются или перемежаются, так и не приходя к единому целому.

Представления о судьбе формируются по мере выделения человека из природы, сохраняющей черты космоса и хаоса. Дистанцированное восприятие хаоса приводит к ощущению непостижимых глубин собственного существа. На основании этого можно сделать вывод, что тема судьбы не ограничивается исключительно природной реальностью. Свою подлинную сущность она демонстрирует в контексте взаимосвязи хаоса и космоса. Космос — это источник объективизации и гармонизации судьбы в её проекции на сущее. В свою очередь хаос — лоно всех вещей, их потенция, добытийное, неактуализированное бытие. В равной мере он начало, порождающее и возвращающее всё выявленное, всякое индивидуальное бытие и первичную невыявленность предсуществования. Он неуловим, неопределим, безмерен и в этом смысле олицетворяет стихийную, иррациональную природу судьбы. С известного момента извечные представления о хаосе-космосе трансформировались в образ судьбы, царящей над космосом.

Судьба, представленная в своей необходимости, в античной культуре связывалась с космическими ритмами, соответствующими биологическим ритмам человека. В. Горан, придерживаясь взглядов древнегреческих мыслителей в отношении проблемы судьбы, делает достаточно интересное наблюдение: «то, что именно Мойры выводят Деметру из состояния, следствием которого оказывается нарушение вегетационного цикла, также свидетельствует о том, что представления о судьбе были определенным образом связаны с представлениями о годичном природном цикле» [1, с. 104].

Древний грек представлял божество Ананку как само воплощение необходимости, неизбежности, вершительницы жизненного пути человека. В судьбе сокрыт вечный закон соразмерности и предопределённости, который возвышается над всем человеческим и божественным. Хотя попытки ей воспротивиться периодически предпринимаются, но тем не менее они не имеют должного результата. В представлениях Гомера судьба тесно связана с космическими и природными ритмами. В «Илиаде» присутствует сцена взвешивания Зевсом судеб троянского и ахейского войск. В. Горан обращает внимание на то, что «если “весы судьбы”» в руках Зевса позволительно интерпретировать как символ космического равновесия, то можно допустить, что гомеровские представления о судьбе были

определенным образом связаны с представлениями, составившими зачатки астрономических знаний» [1, с. 97–98].

В закономерности реализуется процесс утверждения абсолютной власти необходимости. Неизменность космоса детерминирована его закономерной периодической обновляемостью. По мере иссякания жизненных сил космос переходит в хаос, а затем по мере накопления сил вновь из него выстраивается. В процессе космизации судьба обретает черты космоса, что проявляется в присущей ей динамике возврата.

Нелинейная динамика судьбы на ранних этапах становления культуры находится в зависимости от циклических природных процессов. «Мысль человека интуитивно распознаёт закономерность и известную упорядоченность явлений природы, начиная от периодичности функционирования собственного организма и необходимой ритмичности трудового процесса и кончая закономерной смены дня и ночи, времён года, воссоздания пищевых ресурсов и т. п.» [1, с. 96]. В повторяющихся природных процессах, в циклах жизни и смерти человек прозревал великую силу, сверхвременную, сверхчеловеческую и неизменную. «Концептуализация наблюдений за циклическими процессами в природе определяет магистральную линию учения о циклических процессах в культуре, берущую начало в мифологической традиции» [2, с. 40].

В гомеровском эпосе особое внимание отводится связи судьбы с суточными циклами. Зевс приурочивает взвешивание судеб строго к моменту, когда Солнце проходит середину своего дневного пути. Взвешивание судеб связывает эту сакрализацию суточного цикла с идеей судьбы. Соотнесённость в древнегреческой мифологии представлений о судьбе с сакрализацией суточного цикла прослеживается и у Гесиода, у которого фигура Ночи тесно связана с богинями судьбы непосредственно. Через генеалогию Мойр представления о судьбе соотнесены с идеей ритмичности космических процессов и связанных с ними вегетативных процессов.

Миф, повествующий о гибели Фаэтона, сына бога солнца, свидетельствует о невозможности человеком преодолеть свою, человеческую судьбу и уравниваться в правах с богом. В образе Фаэтона воплощено некое глубинное противоречие в понимании героем человеческой природы. Зная, что он сын бога, Фаэтон пытается уравнивать себя в правах с отцом. Однако не следует забывать: если движение по небесному своду для Гелиоса является его функцией как бога солнца, то для Фаэтона оно оказывается ограниченным его че-

ловеческими возможностями. Поэтому примирение жизни и смерти становится возможным лишь в пределах вечно существующей божественной субстанции. Для героя же эта попытка в мифосемантическом срезе заканчивается бесконечно повторяющейся гибелью. Как отмечает Г. Надь, «в фигуре отца Гелиоса воплощена божественная неизменность чередования восходов и закатов, а фигура его сына Фаэтона олицетворяет то, что в этом чередовании, понятом как чередование смерти и возрождения, неизбежно присутствует смерть» [3, с. 316].

Именно судьба в лице Аполлона, в более поздних её трактовках, уже не слепая необходимость, хотя сила её по-прежнему неумолима. В описании веретена Ананки Платон указывает, что «сверху на каждом из кругов веретена восседает по Сирене; вращаясь вместе с ними, каждая из них издает только один звук, всегда той же высоты. Из всех звуков — а их восемь — получается стройное созвучие» [4, с. 416]. Далее Платон обращает внимание на то, что «гармонию, пути которой сродни круговращениям души, Музы даровали каждому рассудительному своему почитателю не для бессмысленного удовольствия... но как средство против разлада в круговращении души, долженствующее привести её к строю и согласованности с самой собой» [4, с. 450]. Тем самым Платон оставляет за человеком шанс вписаться в круговращение космоса и использовать необходимость (судьбу) себе во благо. В связи с этим для человека, упустившего свой шанс, вечное возвращение созвучно обрывку мелодии на заезженном диске, в то время как для того, кто сумел им воспользоваться, мелодия способна зазвучать как «хоры стройные светил». Отсюда следует вывод, что расположение судьбы во многом зависит от самого человека. Философская мысль в лице Платона открывает перспективу освобождения человека от абсолютно фатализма судьбы. Человек обретает тот максимум свободы, который позволяет ему реализовать собственный потенциал на фоне перманентного давления судьбы.

В диалогах Платона «Федр» и «Государство» присутствует идея выбора судьбы. Каждое тысячелетие души, следуя закону необходимости, сами выбирают свою собственную жизнь. Но перед новым воплощением в земную жизнь, испив воды из Леты (реки забвения), они утрачивают память о своей прошлой жизни. Как видим, земная жизнь человека и вся человеческая история не полностью пребывают во власти фатальности судьбы, а посему не следуют в полной мере закону необходимости. По этой причине трудно не со-

гласиться с А. Лосевым, утверждавшим, что «та человеческая история, которую мыслит себе Платон, обязательно есть слияние свободы и необходимости» [5, с. 160].

На наш взгляд, категория случайности как атрибут судьбы может быть воспринята в качестве феномена более позднего временного порядка, фигурирующего в реализации судьбоносной индивидуально-экзистенциальной мировоззренческой установки. «Ощущению судьбы как ритма и мерности в индивидуально-человеческом измерении присуще своеобразие, вряд ли распространяемое на космическое целое» [6, с. 65].

По большей части категория случайности возникает тогда, когда мифологическая рефлексия в рамках отдельно взятого сознания утрачивает своё господствующее положение. В семантике случайности открывается неоднозначное отношение к судьбе, зарождается сомнение в её абсолютной всепокрушающей силе. Изречение Екклесиаста : «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их» [Екклесиаст 9:11], является тому подтверждением. В основе его сокрыта двусмысленность. С одной стороны, сильнейшему по большей части даруется победа. С другой стороны, нельзя исключать и тот факт, что не самый лучший может также стать победителем.

Случайность связана с необходимостью и представляет собой нераспознанную закономерность. Судьба в ракурсе раскрытия случайности по большей части имеет экзистенциальную направленность. Во многом это и определяет неоднозначное, а местами и многозначительное отношение к феномену судьбы и его месту в мироощущении и действии героя. В героизме изначально сокрыта потребность в преодолении судьбы как необходимости. В античной традиции оно нередко реализуется в смерти или уходе героя за пределы пространства действия судьбы. В более поздних культурных представлениях открывается перспектива овладения судьбой, её задабривания и подчинения интересам человека.

Судьба в силу своей непредсказуемости и неуловимости препятствует человеку иметь право быть самим собой. Поэтому он, отстаивая своё индивидуально-личностное начало, вынужден нередко действовать вопреки судьбе, что и пробуждает к жизни с его стороны героическое действие. При всём этом судьба не желает иметь дело с частными проявлениями сущего, что объясняется присущи-

ми ей механизмами действия необходимости и закономерности. Именно последние связывают её с мировым (космическим) целым. При этом при её безразличии к отдельно взятому индивиду она присутствует в жизни каждого человека и сопровождает его в делах и героических поступках.

«В античности диалектика космоса (рационального) и хаоса (иррационального) находит своеобразное воплощение в системе представлений о судьбе, предваряющей рождение древнегреческой трагедии» [7, с. 24]. Будучи зависим от вечно вращающегося космоса, а также безличного круговорота природы, античный герой ощущает на себе довлеющую силу судьбы. Переживая неумолимость судьбы, он стремится изо всех сил ей воспрепятствовать. И это становится возможным через акт самоотрицания. Чтобы противостоять судьбе, царь Эдип наносит себе физическое увечье — выкалывает глаза. Тем самым он демонстрирует, что стремление противостоять судьбе в конечном счете оборачивается разрушением первоначальной целостности героя. Это является причиной прекращения действия судьбы, и, как итог, Эдип перестает быть тем, кем был рожден, — предопределенным бытием к смерти.

По сравнению с космосом, включающим идею судьбы, человек находится в проигрышном положении. Находясь в зависимости от космического ритма, античный герой не в состоянии разделить его в реализующейся полноте. По мере своего изнашивания космос переходит в хаос, а затем вновь восстанавливается из него. Что касается героя, то вместе с увядающим космосом он претерпевает ослабление своей физической природы. В отличие от самовосстанавливающегося космоса разрушение его человеческой природы обретает судьбоносный фатальный характер, не вписывающийся в вечный космический ритм.

По сути, в древнегреческом трагике мы имеем дело с преодолением жизненной субстанции героя на фоне возобновляющейся космической гармонии. Представленное наводит на мысль, что сокрытые потенции космоса лежат в глубине, бездонности, некоей беспорядочной хтонической стихии, именуемой хаосом. Герой греческой трагедии ощущает своё бессилие перед космическим бытием. В этом реализуется его трагическое состояние, ведущее к неизбежной утрате жизненных сил. Античная культура и являлась той спасительной средой, которая гармонизировала жизнедеятельность, смягчала, а в определённой степени и устраняла трагедию противостояния космоса и хаоса, реализующуюся в судьбе.

Оказавшись во власти судьбы, человек невольно начинает ощущать разлад с самим собой. Судьбоносное действие, мнимое им как случайное, является закономерным результатом действия внешней силы (судьбы). Когда человек ощущает на себе её влияние, то его влечёт в неопределённое будущее, где он встречается со своей нераспознанной сущностью. Отсюда можно заключить, что судьба действует в двух мирах: макро- и микрокосмосе. Она приводит их к тождественности, не воспринимаемой человеком как должное. Его микромир не может в полной мере быть соотнесён с макромиром, именуемым космосом. У индивидуальной души исключительно свои жизненные ритмы. В ракурсе подобного рода размышлений мы невольно погружаемся в глубины психологии. В частности, проблему соотнесённости контролируемого сознания (микрокосмоса) и проявлений бессознательного, в нашем понимании именуемого микрохаосом. На протяжении всей античной истории человек пытался примирить космос и хаос, что, по сути, эквивалентно гармонизации сознания и бессознательного. Одним из путей решения данной проблемы выступал ритуал. В ритуале осуществлялась попытка гармонизации микро- и макрокосмоса, открывалась перспектива вечного овладения хаосом. Нарушение порядка, заложенного в ритуале, препятствовало овладению хаосом, и человек невольно оказывался перед лицом судьбы.

Определённый интерес, в особенности с точки зрения эволюции морали, представляет рассмотрение категорий закономерности и случайности в отдельных направлениях фольклористики. Если в античной традиции судьба применительно к феномену героизма по большей части обусловлена категориями необходимости и закономерности, то в фольклоре доминирует судьба в её случайности. Сказочный герой действует вне влияния высших космических судьбоносных сил. По большей части его усилия сводятся к решению повседневных жизненных задач.

Особое внимание в народной культуре уделяется витальному родовому (социальному) началу, определяющему жизненный удел героя сказки. Реальные изменения в характере данного отношения находят специфическое отражение в связи судьбы с исходной недостаточностью витальных благ. С исходной недостаточностью связаны такие важные темы сказки, как приобретение, потеря и компенсация утраченных благ. Нередко в процессе устранения исходной недостаточности возникает новая ситуация, способствующая обретению дополнительных сказочных благ.

Сказочные блага, к которым всячески стремится человек, разделены сверхъестественными характеристиками, и их принадлежность к области сакрального не вызывает сомнений. Их добыча крайне затруднительна и нередко чревата для отыскивающего их временными трудностями: утратой материального достатка, различного рода физическими увечьями, а то и временной смертью. Путь к достижению искомым благ неизменно лежит через систему испытаний героя. «Испытание, — пишет Е. Мелетинский, — это синтагматическая категория именно сказки, но ритм потерь и приобретений объединяет волшебную сказку с мифом и с другими видами повествовательного фольклора» [8, с. 12].

Несмотря на подстерегающие героя опасности, он отправляется в столь сложный путь, который традиционно заканчивается успешно, а приобретение в конечном счёте, выступая своего рода универсальным благом, компенсирует первоначальную недостачу. В конце пути судьба дарует счастливцу возможность полного удовлетворения как материальных, так и духовных потребностей.

Следует обратить внимание на то, что за случайным обретением витального блага распознаётся закономерность действия судьбы. Одним из её источников выступает нравственность, занимающая заметное место в славянском фольклоре. Именно нравственные качества героя располагают судьбу. Во многом благодаря высоким нравственным качествам герою волшебной сказки удастся не только сохранить жизнь, но и приобрести желанное благо. Не случайно в славянском фольклоре имеется много сведений, указывающих на предназначение кладов праведникам, чистым душам, сиротам, вдовам и другим обездоленным. Так как они, будучи существами нравственно свободными, могут сознательно предпочитать зло добру. Наряду с этим внешне случайное обретение кладов недоступно грешникам, людям богатым, алчным и завистливым, упорно пребывающим во зле.

Несмотря на то что восприятие и осмысление проблемы судьбы началось в мифологической традиции, её связь с мифом сохраняется и в послемифологическую эпоху. По мере редукции мифа судьба сохраняет статус мифологеми. Присущие ей вещественно-телесные интуиции преобразуются в метафору, а также различного рода абстракции философского типа. К ним можно отнести необходимость, случайность, нравственное воздаяние, справедливость и др. Например, у Фалеса мы сталкиваемся с процессом трансформации мифопоэтического образа Ананки в философскую категорию необходи-

мости. Здесь уже не только прослеживается зависимость от мифологического образа судьбы, что объясняется сохраняющейся связью первых философских учений с мифологической традицией, но и утверждается общее представление о судьбе как необходимости.

В истории представлений о судьбе сохранились две тенденции. Первая тенденция сводится к признанию всеобщности судьбы, что обусловлено отождествлением судьбы с космическими ритмами и восприятием космоса в качестве природного универсума. Действуя в качестве надмирового целого, судьба провоцирует динамику сущего. Всеобщность судьбы также обусловлена присущими ей категориями необходимости и закономерности. Вторая тенденция предполагает проекцию универсальной природы судьбы на индивидуальное, т. е. неповторимый жизненный путь человека. Субъективизм судьбы благодаря случайности и непредсказуемости определяет путь фольклорного героя.

Список источников

1. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 335 с.
2. Мартысюк П. Г. Циклическая динамика культуры как следствие мифологизации природы // *Человек. Культура. Образование*. 2020. № 2 (36). С. 27–43.
3. Надь Г. Греческая мифология и поэтика / пер. с англ. Н. П. Гринцера. М.: Прогресс–Традиция, 2002. 432 с.
4. Платон. Тимей // *Собр. соч. : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; пер. с древнегреч. С. С. Аверенцева [и др.]*. М., 1994. Т. 3. С. 421–501.
5. Лосев А. Ф. Античная философия истории. СПб.: Алетейя, 2000. 256 с.
6. Сапронов П. А. Феномен героизма. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997. 491 с.
7. Мартысюк П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения // *Человек. Культура. Образование*. 2018. № 3 (29). С. 19–26.
8. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки (происхождение образа). М.: Вост. лит., 1958. 263 с.

References

1. Goran V. P. *Drevnegrecheskaya mifologema sud'by* [The mind of primitive man]. Novosibirsk, Nauka, 1990, 335 p. (In Russ.)
2. Martysyuk P. G. Cyclic dynamics of culture as a consequence of the mythologization of nature. *Celovek, kul'tura i obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 2 (36), pp. 27–43. (In Russ.)

3. Nagy G. *Grecheskaya mifologiya i poetika* [Greek mythology and poetics]. Moscow, Progress-Tradition, 2002, 432 p. (In Russ.)
4. Plato. *Timey* [Timaeus]. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected. op.: in 4 volumes] / general ed. Moscow, 1994. Vol. 3, pp. 421–501. (In Russ.)
5. Losev A. F. *Antichnaya filosofiya istorii* [Antique philosophy of history]. St. Petersburg, Aletheia, 2000, 256 p. (In Russ.)
6. Saprnov P. A. *Fenomen geroizma* [The phenomenon of heroism]. St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997, 491 p. (In Russ.)
7. Martysiuk P. G. The cyclic paradigm of culture: the path of self-determination. *Celovek, kul'tura i obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2018, no. 3 (29), pp. 19–26. (In Russ.)
8. Meletinsky E. M. *Geroy volshebnoy skazki (proiskhozhdeniye obraza)* [The hero of a fairy tale (the origin of the image)]. Moscow, Publishing house "Vost. lit.", 1958, 263 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Мартысюк Павел Григорьевич

Pavel G. Martysiuk

доктор философских наук,
доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры философии и
социологии Санкт-Петербургского
университета МВД России, главный
редактор журнала «История и
обществоведение» (Минск), Санкт-
Петербург, Россия, Минск, Республика
Беларусь

Doctor of Philosophy, Doctor of
Cultural Studies, Associate Professor,
Professor of the Department of
Philosophy and Sociology, St.
Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Chief
Editor of the "History and Society",
Saint-Petersburg, Russia, Minsk, the
Republic of Belarus

198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика
Пилутова, 1

1 Pilot Pilyutov St., St. Petersburg,
198206, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

06.10.2022
22.10.2022
01.11.2022